

Глеб Елисеев, историк

1917. Церковь в феврале

Об одном «проступке» Святейшего Синода

Рассуждения о роли и судьбе Русской Церкви в ходе великой российской катастрофы XX века в наше время нередко начинаются со споров о так называемом «Послании Святейшего Синода от 9 марта 1917 года», признавшего Временное правительство законной властью. Эту умеренную «декларацию лояльности» не в меру ретивые публицисты предлагают рассматривать как признак «слабости Синода» и чуть ли не как факт «измены церковного руководства». Давайте разберемся.*

Легко осуждать людей, живших в 1917 году, из нынешней точки временной линии, зная обо всех ужасах и катаклизмах, случившихся в последующем.

А вот иерархи тогдашнего Святейшего Синода не обладали знанием последующего. Они в тот момент мало понимали, что происходит в стране вообще. И не слишком ли самоуверенно осуждать их за, может быть, не самый удачный, но направленный на сохранение Церкви, шаг?

Рассуждающие о том, что Церковь в 1917 году могла поднять «миллионы верующих» на защи-

ту монархии и не сделала этого из-за слабости или трусости, не знают (или не желают знать) ничего реального об истинном положении Русской Церкви в начале XX века.

Как это ни грустно прозвучит, но Церковь в России того времени была слаба. И по объективным причинам (общее падение религиозности в индустриализирующемся обществе), и по субъективно-историческим (сращивание Церкви с государственным аппаратом Российской империи и проистекающее отсюда отвыкание от самостоятельных политических действий).

* Эта статья продолжает дискуссию профессиональных историков о действиях Русской Православной Церкви во время и после Февральской революции 1917 года. Предыдущие материалы по данной теме вы можете найти в ноябрьском номере «Фомы» за 2014 год и в январском номере за 2015 год. — Ред.

Нельзя забывать и того, что революционная пропаганда годами и десятилетиями сознательно дискредитировала Церковь. Один «распутинский миф» чего стоил православным иерархам!

И это при том, что под самим мифом не было вообще ничего реального. Все так называемые «ставленники Распутина» существовали лишь в воображении либеральных журналистов. Достаточно было всего лишь пообщаться со старцем или просто не высказывать своей неприязни к нему, чтобы оказаться его «ставленником». А ведь большинство иерархов Русской Церкви изначально относились к Распутину либо с подозрением, либо с пренебрежением.

О степени реального влияния Григория Ефимовича на императора свидетельствует история с тем, как он не смог «отмазать» от армии своего сына. Если уж такой мелочи «всесильный фаворит» не смог сделать, то что же говорить о его возможностях «ставить» министров или назначать членов Синода...

Русская Церковь в дореволюционной России находилась в зоне постоянной, уверенной и намеренной клеветы. Господствовавшая в стране либеральная журналистика с восторгом пережевывала любые недостатки в церковной жизни — и реальные, и воображаемые. А уж после прихода либеральных сил к власти в феврале 1917 года подобная публика ждала лишь мельчайшего повода, чтобы начать «последнюю и решительную» атаку на русское Православие. И Синод это тоже должен был учитывать.

Впрочем, с формальной точки зрения очень странной выглядит постановка вопроса, согласно которой Святейший Синод должен был бы выступать с каким-то другим обращением к народу. Что, в «Послании» можно найти призывы «Долой царя! Уничтожим

дану новому правительству — до созыва Учредительного собрания и решения о дальнейшей судьбе России (что, кстати, совершенно не исключало и возможную перспективу восстановления монархии). До этого момента Временное правительство считается единственной законной властью в условиях войны, и Синод призывает подчиняться ему, пока борьба с врагом не закончена.

Это только формальное высказывание в поддержку власти, от которой Церкви пока никаких пакостей еще сделано не было (пакости начнутся чуть позже, в апреле). В июне 1917 года митрополит Сергей выступил с поддержкой советского (читай — атеистического и антиправославного) правительства в ходе начавшейся войны с Германией. И это воспринимается как «акт патриотизма». В 1917 году Синод поддержал Временное правительство, состоявшее вообще-то из вполне известных всей России политиков, не замеченных в особой враждебности к Церкви, в ходе продолжающейся войны с Германией. И это обзывается «предательским деянием».

И уж если вставать на рельсы «холодной и непредубежденной» оценки событий, то Святейший Синод еще проявил особую лояльность к русскому монарху. Иерархи не требовали, чтобы государь отрекся (как командующие фронтами), не демонстрировали, отбрасывая приличие, лояльности новой власти (как, между прочим, поступали даже некоторые члены императорской фамилии). Синод поставил перед фактом падения монархии, и его члены тянули с признанием этого факта аж до девятого марта (или, в крайнем случае, до шестого, когда было принято синодальное решение, чтобы в церквях возносили молитвы за «Богохранимую Державу Российскую и

Все так называемые «ставленники Распутина» существовали лишь в воображении либеральных журналистов. Большинство иерархов Русской Церкви изначально относились к Распутину либо с подозрением, либо с пренебрежением.

самодержавие!»? Синод констатирует ситуацию уже свершившуюся, о которой сами иерархи знали не больше, чем остальные (непосвященные) жители России: государь отрекся, и власть временно (!) была пере-

Благоверное Временное правительство ея»). И это при том, что отношения между государем Николаем Александровичем и высшим церковным руководством всегда были достаточно сложными. Хотя бы потому, что далеко не все иерархи стремились к «изменению правил игры», к которым постепенно склонялся император, считавший, что рано или поздно, но Поместный Собор придется созывать.

Для многих архиереев синодальная форма правления была и привычной, и удобней. Казалось, что она обеспечивала лучшее взаимодействие между Церковью и государством; предохраняла от возможного повторения «казуса Никона» — когда высший церковный иерарх, хотя бы на словах, но попытался поставить себя над светской властью. Государь же был склонен к тому, чтобы

ГЛЕБ АНАТОЛЬЕВИЧ ЕЛИСЕЕВ

Кандидат исторических наук, доцент, сотрудник Историко-просветительского общества «Радетель», член редколлегии журнала «Историческое обозрение». Автор более ста научных и научно-популярных статей, автор книг «Все религии мира: энциклопедический справочник» (совместно с С. В. Алексеевым), «История религий», «Отечественная история» (учебник, совместно с С. В. Алексеевым и Д. М. Володихиным) и др.

действительно реализовать идею «симфонии властей», при которой Церковь сотрудничает со светской властью, а не просто подчиняется ей, как было в России с петровских времен.

Другое дело, что идея Церковного Собора, как и многие другие начинания государя Николая Александровича, постоянно натывалась на противодействие и политические атаки одно- временно «справа» и «слева». Государь же всегда предпочитал действовать осторожно, эволю- ционно, не торопясь и не плодя обиженных. Вот и в отношении Поместного Собора Русской Православной Церкви было принято такое же эволюционное решение — отложить до времени «успокоения жизни в государстве». Понятно, что говорить о подобном успокоении невоз- можно было ни в первые годы после революции 1905–1907 гг., ни уж тем более в ходе начавшейся мировой войны.

К Собору следовало подготовиться очень обстоятельно. Тем более что наряду с вопросом о восстановлении патриаршества, он должен был решить множество других проблем во внутренней жизни Церкви. Большинство из них, кстати, не решены до сих пор. И это сей- час, когда основной массе населения глубоко «до фонаря» вопросы «белого епископата» или реформы богослужения. Что же говорить о ситуации начала XX века, когда эти проблемы вызвали ожесточенные споры и обвинения оппонентов в ереси...

Поэтому одни иерархи призывали вообще не созывать Собор, а «церковная оппозиция», напротив, обвиняла государя в том, что тот слишком затягивает с созывом церковного

соборания, не желает «освобождения Церкви от государственной зависимости».

К сожалению, Русская Церковь накануне рево- люции вовсе не была неким духовным моноли- том. «Обновленчество», при всем его историче- ском уродстве, возникло не на пустом месте, и проблемы, о которых говорили «обновленцы», были реальными проблемами. А среди руково- дящих структур обновленческих организаций (особенно — после 1923 года) еще окажется достаточное число иерархов, ставших епископа- ми задолго до революции.

Еще до потрясений 1917 года духовенство на местах было настроено вполне оппозици- онно и даже либерально. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на политические предпочтения священников-депутатов второй Госдумы — из одиннадцати избранных священ- ников было три кадета и четыре эсера. И, учи- тывая то почти нищенское состояние, в котором находились отечественные иереи и диаконы, такие настроения даже неудивительны. Мало что изменилось со времен жалоб священника из некрасовского «Кому на Руси жить хорошо». В данном случае поэт-«демократ» не слишком-то врал и преувеличивал.

Поэтому отчего бы простым священникам и не соблазниться мыслью о грядущих бла- готворных переменах? Ведь абсолютно прав Солженицын, писавший о «либерально-ради- кальном Поле», охватившем всю Россию нака- нуне революции: «Много лет (десятилетий) это Поле беспрепятственно струилось, его силовые линии густились — и пронизывали, и подчи- няли все мозги в стране, хоть сколько-нибудь

Церковь накануне революции вовсе не была неким духовным монолитом.

*Первая панихида
на братской могиле
жертв революции*

тронутые просвещением, хоть начатками его. Оно почти полностью владело интеллигенцией. Более редкими, но пронизывались его силовыми линиями и государственно-чиновные круги, и военные, и даже священство, епископат (вся Церковь в целом уже стала бессильна против этого Поля), — и даже те, кто наиболее боролся против Поля: самые правые круги и сам трон». Революционаристский психоз в те дни застилал глаза и более искусственным и проницательным

Ничего особенно криминального и революционного в обращении Синода не было. Констатация факта и призыв к сохранению мира в воюющей стране. Всего-то.

людям, нежели провинциальные батюшки или даже правящие архиереи.

Поэтому и с угрозой возможного послереволюционного раскола Синод тоже должен был считаться. Составляя обтекаемый, компромиссный и лояльный текст «Постановления», члены высшего органа церковного управления думали и о таком риске. Тем более что, повторюсь еще раз, ничего особенно криминального и революционного в обращении Св. Синода не было.

Констатация факта и призыв к сохранению мира в воюющей стране. Всего-то.

Государь Николай Александрович в 1917 году пошел на добровольную жертву, надеясь, что его уход от власти поможет успокоению народа и предотвращению кровопролития. Это было ошибкой. Но кто возьмется осуждать его за это? Святейший Синод в том же году выступил с осторожной демонстрацией лояльности, надеясь, что это поможет предотвратить возможные гонения или раскол внутри Русской Церкви. И в данном случае иерархи оказались правы. Потому что Поместный Собор в 1917 году все-таки был созван. А его решения стали коллективным выражением воли всей Русской Православной Церкви и позволили ей сохраниться в грозных испытаниях XX века. Тем не менее «Постановление Синода» осуждают все, кому не лень. А нет ли в данном случае признаков некоего лицемерия?

Позднее Церкви приходилось идти и не на такие компромиссы в Советском Союзе. Достаточно вспомнить известную декларацию 1927 года, в которой провозглашалась полнейшая лояльность по отношению к большевистской власти. И любой здравомыслящий человек оправдывает эти действия необходимостью защиты и сохранения Православия в стране.

А что, разве в 1917 году, когда начала рушиться и разваливаться монархия, с которой веками ассоциировали Русскую Православную Церковь, этой необходимости не было? **ф.**

реклама

ПРОЕКТЫ

РОСПИСИ

ИКОНОСТАСЫ

ИКОНЫ

Фрагмент росписи храма Успения Пресвятой Богородицы
в селе Истомино Калужской области

+7 903 549 70 48

+7 499 343 55 43

tsargrad.biz